

Страна Сюань, тридцать девятый год правления Чюаня, середина седьмого месяца.

В родовом храме предков на коленях перед бесчисленными поминальными табличками застыла женщина в богатых одеждах. Спина её оставалась прямой, исполненной достоинства, хотя ноги давно онемели, а перед глазами плыли мутные пятна. И всё же она не позволяла себе упасть. Она смотрела на имена на алтаре с мрачной, затаённой ненавистью.

На позолоченных дощечках значились имена великих правителей Сюань. Та, что стояла перед ними — Ли Юань, — была старшей принцессой этого государства. Но какой бы властью ни обладала принцесса, в глазах императора она оставалась лишь разменной монетой в политических играх. Ли Юань выдавали замуж трижды, и всякий раз её супруги погибали при странных обстоятельствах. Она не желала этих браков, но воля отца была законом. Едва её жизнь в чужом доме налаживалась, как император собственноручно обрывал нить жизни зятя.

Она была не дочерью, а заложницей. Инструментом, которым отец удерживал в узде вассалов и врагов.

Теперь же император вознамерился выдать её в четвёртый раз. Ли Юань открыто воспротивилась его воле, чем вызвала монарший гнев. Её заперли в храме предков, велев стоять на коленях, пока к ней не вернётся благоразумие. Прошло пять дней. Многие приходили уговаривать её, отец чередовал милость с угрозами, но принцесса хранила молчание.

Она понимала: стоит один раз уступить, и этот кошмар не закончится никогда. Она останется пешкой, лишённой права на собственную судьбу. Будь она глупа, как её младшие сёстры, она бы смирилась с участью, прожив жизнь в тупом беспамьтстве. Но Ли Юань была наделена острым умом и пронизательностью, пугающей даже бывалых сановников. И именно это делало её положение невыносимым. Женщина, способная понимать суть государственных дел, не желала быть просто украшением в покоях очередного мужа.

Она была полна негодования и не желала больше подчиняться.

— Старшая принцесса... Ваше Высочество, — Линь-момо, кормилица Ли Юань, бесшумно вошла в храм, сжимая в руках корзинку с едой. Ей пришлось раздать немало золота страже, чтобы её пропустили.

— Линь-момо, ты тоже пришла уговаривать меня? — голос принцессы был слаб и едва слышен.

— Ох, деточка моя! — кормилица, увидев, как исхудала её воспитанница, залилась слезами. Она сама выкормила её и любила больше жизни. — Ничего не говорите. Я принесла ваш любимый миндальный крем, съешьте хоть ложечку.

Ли Юань затуманенно посмотрела на старуху.

— Линь-момо, я не пойду под венец.

— Не пойдёте, не пойдёте! — Линь-момо, забыв о приличиях, крепко обняла её, поглаживая по спине. — Какая беда, какое горе...

— Поешьте, — кормилица бережно поднесла ложку к её губам. — Ваше Высочество, земля под небесами принадлежит государю, но вы должны придумать, как отвести от себя эту долю. Иначе этой муке не будет конца.

Слова старухи внезапно пронзили сознание Ли Юань. Чтобы стать хозяйкой своей судьбы, нужно самой стать государем. Только венец даёт истинную свободу.

Она вцепилась в руку кормилицы.

— Линь-момо, иди к отцу. Скажи, что я согласна.

Старуха замерла в изумлении.

— Ваше Высочество! Вы ли это? Только что плакали, а теперь...

— Если я не соглашусь, он сгноит меня здесь, — принцесса процедила слова сквозь зубы. — Но как только я выйду отсюда... клянусь, эта империя станет моей!

Линь-момо, словно догадавшись о чём-то, быстро успокоилась.

— Тише, дитя. Нельзя гневить небеса раньше срока.

— Ты права, — Ли Юань глубоко вздохнула, возвращая себе самообладание. — Та благовонная свеча, что осталась от матушки... она всё ещё у тебя?

Кормилица нахмурилась.

— У меня. Но, Ваше Высочество, вы уверены? Матушка ваша так и не решилась зажечь «Ладан призыва богов». Никто не знает, какой дух явится на зов и какую цену потребует. Это опасное средство.

— Любая цена лучше, чем быть бессловесной скотиной! — Ли Юань посмотрела жёстко. — Линь-момо, принеси её сегодня ночью. Промедление смерти подобно.

— Слушаюсь, — кивнула Линь-момо.

Этой же ночью кормилица доставила заветную свечу. Этот фимиам достался матери Ли Юань от предков, и никто не знал его истинного происхождения.

Принцесса помнила слова матери: «Богов призывать трудно. Они требуют жертв, и не всегда к людям спускаются милосердные небожители. Если сделка будет заключена неверно, ты потеряешь всё». Но сейчас Ли Юань была загнана в угол. Ей нужен был шанс, и она готова была рискнуть душой.

«Когда я обрету силу, — мелькнула в её голове дерзкая мысль, — даже боги перестанут быть для меня угрозой».

Она надрезала ладонь и окропила свечу своей кровью. Ладан жадно впитал алую влагу, став тёмно-багровым.

Как только огонь коснулся фимиама, поминальные таблички в храме задрожали. Жуткий, монотонный стук наполнил тишину, словно духи предков пытались вырваться из плена, чтобы остановить её. Но Ли Юань даже не обернулась.

Дым поднялся вверх ровным, тонким столбом. Запаха не было, хотя пропитанная кровью свеча должна была пахнуть тяжело и сладко.

Ли Юань, не отрывая взгляда от дыма, начала нараспев повторять:

— О боги, внимлите! Примите мой дар и исполните три желания. Первое — помогите мне взойти на престол. Второе — даруйте вечную молодость. Третье — даруйте бессмертие.

Она повторяла это снова и снова, но ответа не было. Свеча догорала, пот градом катился по её лицу. Внезапно таблички замерли, в храме воцарилась гробовая тишина. Когда последняя искра погасла, Ли Юань почувствовала, как по залу разлился могильный холод.

Она открыла глаза и ахнула.

Вокруг был не храм. Она оказалась в огромном, мрачном и безмолвном чертоге, словно гробница великана. Тьма была такой плотной, что не было видно ни стен, ни сводов. Ноги принцессы всё ещё не слушались её, и она продолжала стоять на коленях.

Внезапно до неё донёсся аромат. Это не был запах цветов или деревьев. Это был запах снега — колкий и ледяной, словно снежинки опускались прямо на кончик носа. От этого холода её тело начало неметь.

Если бы кто-то раньше сказал ей, что у снега есть запах, она бы рассмеялась. Но здесь, в этой пустоте, она чувствовала его каждой клеточкой. Голос пропал, в груди поселился страх, но она заставила себя успокоиться. Должно быть, это и есть обитель того, кого она призвала.

Постепенно зрение вернулось к ней. В воздухе, словно светлячки, поплыли маленькие изящные фонарики, внутри которых сияли крупные жемчужины. Их мягкий свет озарил пространство. В двадцати шагах от неё свисали тяжёлые тёмно-синие пологи. За ними слышались голоса.

— Брат, ну не злись ты на него. Ты же не первый день его знаешь, — голос был мелодичным и слегка насмешливым.

— В том-то и дело, что знаю слишком хорошо! — ответил другой голос, ленивый, но с явными нотками раздражения. — Оставить человека у себя... Какая дерзость!

— Ну, остынь, остынь. Хочешь, я пойду и прикончу его? Глаза не видят — сердце не болит.

— Брось. Это же любимица Владыки духов. Её нельзя просто так стереть в порошок. Она не из простых сущностей.

Ли Юань похолодела. «Стереть в порошок»... О ком они говорят?

— Мы с Владыкой духов и так не ладим. Одной битвой больше, одной меньше... Я не верю, что эти высокомерные святоши смогут победить. В крайнем случае, истребим весь их род!

— Ха! — смех, короткий и пронзительный, заставил сердце принцессы дрогнуть. Даже по голосу чувствовалось, что его обладатель наделён неземной красотой. Она колебалась: кто из них двоих — её божество?

— Ну вот, наконец-то улыбнулся. Брат, не трать силы на гнев, это только на руку нашим врагам.

— Ладно. Ты всегда умел меня задобрить.

— Конечно, ты ведь у меня один! — говорящий явно был в прекрасном расположении духа. — Кстати, что там с той, снаружи?

Ли Юань затаила дыхание.

— Тц, — ленивый голос прозвучал недовольно. — Сама свалилась, как только врата открылись.

Завеса приоткрылась.

— Хм, почему я чувствую запах цветов Сиян? И... крови?

— Ты не ошибся. Это они.

— Неужели кто-то до сих пор верит в эти сказки о призыве богов? Эти цветы привлекают лишь нечисть да злых духов. Если очень повезёт — призрачного заклинателя.

— Видишь, нашлась одна везучая.

— Попасть прямиком в твой дворец — это и впрямь удача. Впервые за несколько тысяч лет ворота открылись, и она тут как тут. Видно, судьба. Брат, послушай, чего она хочет? Развлечёмся хоть немного.

— Пусть будет так, — в ленивом голосе послышалась скука. — Говори, что тебе нужно.

Ли Юань уже поняла: перед ней не те божки, которым молятся в деревнях. Это древние, могущественные сущности. Ладан из маминой шкатулки оказался ключом к чему-то гораздо более опасному, чем она предполагала. Её спасло лишь заступничество предков в храме, не пустившее к ней мелких бесов.

Это был её единственный шанс.

— У меня три желания, — твёрдо произнесла она. — Первое — трон империи Сюань. Второе — вечная юность. Третье — бессмертие.

За пологом раздался негромкий смех.

— Какая жадная девчонка.

— И что ты предложишь взамен? — спросил второй голос.

— Я обещаю воздвигать храмы в вашу честь и подносить лучшие дары веками! — она склонилась в глубоком поклоне.

— Твой земной ладан мне не нужен, — отрезал ленивый голос.

— Брат, эти смертные вечно пытаются получить всё за бесценок, — добавил другой.

Ли Юань охватила тревога. Почти все боги жаждут поклонения, но этим оно было безразлично. Значит, перед ней не те, кто ищет людской любви. Она решилась на крайний шаг.

Дрожащими руками она начала расстёгивать одежду.

— Я отдаю себя в ваше распоряжение, — прошептала она, обнажая плечи.

— Пха-ха-ха! — за пологом разразился хохот. Ли Юань замерла. — Брат, ты слышал?

Смех не утихал долго.

— Глупая девчонка, — наконец произнёс голос, отсмеявшись. — Мало того, что ты давно не дева, так ты ещё и вообразила, будто моему брату нужны женщины. В шести мирах полно красавиц, чья кожа подобна нефриту, а лики — сиянию луны. Ты видела его величие? Ты видела его мощь? Кто ты такая, чтобы предлагать себя ему?

Завеса чуть приподнялась. Ли Юань увидела изящную кисть руки и волевой подбородок, но стоило ей поднять взгляд выше, как пологи снова сомкнулись.

— Слишком уродлива, — холодно бросил «бог». Второй снова прыснул. — Твоё тело мне не интересно. Даю тебе триста лет. По истечении этого срока я сам приду и заберу то, что сочту подходящим.

Триста лет! Ли Юань вздрогнула. За три столетия она воздвигнет империю, соберёт армию великих мастеров и заклинателей... Кто знает, кто тогда будет диктовать условия?

— Я согласна, — кивнула она.

Из-за полога вырвался луч света, ударив её в запястье. На внутренней стороне левой руки появилась маленькая черная точка с багровым отливом.

— Это метка. Я бываю занят, не хотелось бы забыть о нашем уговоре, — голос оставался ленивым. В её сторону вылетел крохотный фонарик с чёрной жемчужиной внутри. — Возьми. Она поможет тебе в твоих делах.

Принцесса склонилась в поклоне, а когда подняла голову — снова была в храме предков. В руке она сжимала фонарик, доказывавший, что всё произошедшее не было сном. Она поднялась и решительным шагом направилась к выходу. Двери храма захлопнулись за её спиной со звуком, похожим на глубокий вздох ушедших поколений.

Тридцать девятый год правления Чуяна, пятнадцатый день седьмого месяца. В столице вспыхнул мятеж. Старшая принцесса Ли Юань захватила власть, истребив всех членов императорской семьи, и взошла на трон. Она стала первой императрицей в истории страны, сменив название государства на Сюаньжу.

Так началась эпоха женского правления.

В далёком, скрытом от глаз смертных чертоге, за тёмно-синими пологами, прекрасный мужчина усмехнулся. Он зевнул, собираясь лечь, но внезапно чья-то рука перехватила его запястье. Он замер в изумлении, и в следующее мгновение его потянули прочь из дворца.

В пустом зале эхом отразились слова:

— Пойдём домой.

<http://bllate.org/book/17533/1702672>